

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПРАРОДИНЕ СЛАВЯН*

Проф. Т. Лер-Сплавинский

Настоящая статья представляет автореферат книги, опубликованной автором на польском языке. — «O pochodzeniu i praojczyźnie Słavian» Prace Instytutu Zachodniego. № 2, 274 str., 6 tabl. Poznań. 1946. Книга написана во время войны. Этим объясняется, что автор не мог воспользоваться выводами русских учёных, преимущественно археологов и историков: академиком Н. С. Державина и В. Д. Грекова, проф. М. И. Артамонова, М. А. Тихановой, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова, А. Д. Удальцова и др., которые в течение последних семи лет много занимались этногенезом славян. Работа автора подводит итоги всех доступных ему во время войны исследований польских и западноевропейских учёных, языковедов, историков, археологов, антропологов и этнографов, из которых следует назвать прежде всего Я. Розвадовского, М. Рудницкого, М. Фасмера, И. Курыловича, Я. Чекановского, Л. Нидерле, И. Коштржевского, Л. Козловского, Т. Сулимирского, К. Мошынского и др. Автор пополнил их выводы собственными исследованиями.

Вопрос о происхождении и прародине славян не может быть разрешён на основании материала, доставляемого одними только историческими науками, поскольку древнейшие данные исторических источников, которые с известной долей вероятности могут быть связаны с прошлым славян, относятся к периоду не раньше конца I — начала II в. н. э., т. е. ко времени, когда славяне имели уже за собой довольно продолжительный период самостоятельного этнического и языкового развития. За ответом на этот вопрос приходится поэтому обращаться к другим наукам, позволяющим глубже заглянуть в прошлое и дающим более прочное основание для заключений о происхождении и первоначальном расселении славян. К этим наукам относятся прежде всего сравнитель-

ное языкознание и археология. В распоряжении языкознания есть два метода для освещения интересующих нас проблем. Первый — путь установления родственных связей и соотношений между славянскими языками, как целым, и другими языками индоевропейской семьи. Этот путь помогает определить положение славянской группы внутри этой семьи и обосновывает некоторые заключения о времени и месте возникновения праславянской языковой общности. Второй — путь сопоставления и лингвистического анализа значительного количества географических названий в особенности названий рек и гор. Таким путём мы получаем некоторые конкретные данные, касающиеся территорий, с которыми связано прошлое славянства, данные, которые, к сожалению, не всегда удаётся связать с теми или другими исторически известными народами или с установленными доисторической археологией культурными комплексами.

Однако результаты, достигнутые этими путями, недостаточны для разрешения интересующих нас вопросов, так как ни сравнительное языкознание, ни топонимистические исследования не дают оснований для более точной хронологизации и локализации исследуемых явлений. В обоих направлениях существенную помощь оказывает нам археология, которая имеет возможность точнее хронологизировать и географически локализовать факты. Но так как она вращается почти исключительно в сфере явлений материальной культуры, то возникают серьёзные затруднения при попытке связать добываемые ею данные с этническо-лингвистическим субстратом. Поэтому лишь в тех случаях, когда обеим наукам — языкознанию и археологии — удаётся установить точнейший параллелизм в процессе развития исследуемых явлений, можно говорить о достижении положительных результатов. Небезразличны притом и результаты, достигнутые двумя другими научными дисциплинами, которые дают возможность проникнуть в доисторическое прошлое этнических групп, именно антропологией и этнографией. Но так как материал, имеющийся в их распоряжении, отличается фрагментарностью и недостаточной разграниченностью в пространстве и времени, то данные этих наук в меньшей мере приемлемы для заключений по интересующим нас вопросам. Тем не менее и результаты антропологических и этнографических исследований должны быть приняты во внимание,

* От редакции. Труд проф. Лер-Сплавинского, ректора Краковского университета, о происхождении славян вышел на польском языке. Редакция публикует автореферат этого труда. Как отмечает автор, его работа написана без учёта последних исследований советских учёных, давших марксистскую концепцию происхождения славян. Критический разбор книги проф. Лер-Сплавинского будет дан в одном из ближайших номеров «Вопросов истории».

по крайней мере постольку, поскольку они не противоречат заключениям, вытекающим из лингвистических и археологических исследований.

Переходя от общих методологических замечаний к конкретным результатам своих исследований, произведённых целиком во время войны, считаю необходимым в первую очередь резюмировать выводы, основанные на лингвистических данных:

1. Наблюдения над грамматическим строем и словарём общеславянского праязыка приводят к заключению, что язык этот во всех отношениях теснее всего связан с языком древних балтов, предков литовцев, латышей, пруссов и др. настолько, что среди учёных широко распространено мнение, что существовал период, когда лингвистические предки и славян и балтов говорили на общем языке, обычно носящем в науке условное название прабалтийско-славянского. Весь этот комплекс находился в ближайшей лингвистической связи с германцами, причём связь между праславянским и прагерманским языками была более тесной, чем между языками балтов и германцев (ср. чуждые языку прабалтов и общие прагерманскому и праславянскому языкам явления, как, например, смещение индоевропейских *ā*, *ō* и существование непременных глагольных образований с суффиксом *-po-*, противопологаемых переходным *s-i jo* и т. п.). С другой стороны, в строгости и слогаре праславянского языка заметны некоторые, впрочем, гораздо менее многочисленные точки соприкосновения с иранскими языками, которые совершенно неизвестны балтийским языкам. Эти факты позволяют заключить, что прародина славян должна была находиться в непосредственной связи с местами поселения балтов, прикасаясь с одной стороны, и притом, вероятно, на значительном пространстве, с территорией, заселённой германцами, а с другой — с какими-то иранскими племенами. Так как можно предположить, что территория первоначального расселения балтов простиралась от бассейна Немана по бассейну Оки, а прародина германцев находилась в Северо-Западной Германии (по нижнему течению Эльбы), Ютландии и Южной Скандинавии, то места поселения славян приходится искать посредине, т. е. они охватывали бассейны Одера и Вислы, а позднее — Волынь с Подоліей, куда в разное время доходили кочевые иранские племена (скифы, сарматы).

2. Исследование топографических названий на территории к северу от Судетов и Карпат, от бассейна Одера по среднее течение Волги до подошвы Кавказа и северного побережья Чёрного моря позволяет констатировать, что на всём этом громадном пространстве встречаются древние названия, прежде всего названия рек, самого разнообразного происхождения: есть среди них многочисленные названия несомненно индоевропейского происхождения, которые нельзя приурочить к какому-нибудь определённому языку (ср., например, *Rava* (Волга), *Alontas*, *Udon*, Двина, *Istra*, Истра, *Iscla*, Нида, *Nisa*, Лала, *Bog* (Южный Буг) и т. п., но есть и такие, которые можно признать иранскими, — *Pрут*, *Tугас* (Днестр), *Voryst-*

hapes (Днепр); фракийскими — *Стыр*, *Днепр*, *Днестр*; балтийскими — *Нара*, *Сожь*, *Упа*, *Лучеса*, *Истра*; праславянскими — *Варта*, *Висла*, *Скава*, *Сола*, *Вильга*, *Вепш*, *Срава*, *Десна*, *Бобр*, *Бебжа*, *Москва*; балтийско-славянскими — *Свендгня*, *Буг*, *Шрона*, *Вилия*, *Миция* и т. п.; германскими — *Скрва*, *Полтва*, *Танев*, *Сцинава*. Встречаются, наконец, названия, общие территориям, заселённым кельтами, иллирийцами и славянами: *Одра*, *Драва*, *Дрвенца*, *Мрога*, *Сава*, *Нотец*, *Раба*, — которые можно назвать венетскими, связывая их с известным из исторических источников этническим названием венетов, находившихся на тех же территориях. Кроме того встречаем некоторое количество названий неиндоевропейского происхождения, среди которых первое место занимают связанные этимологически с угрофинскими языками, например, названия озёр: *Вины*, *Лэмпо*, *Ламлаш*; рек: *Паскина*, *Рая*, *Соса*, *Сивер*, *Неман*, *Немига* и т. п.

Географические названия общиндоевропейские распределены на всём пространстве от Эльбы до излучины Волги и от подошвы Кавказа до Балтийского моря, названия иранские и фракийские сгруппированы в юговосточной части этой территории; в северовосточной части — названия балтийские, балтийско-славянские и угрофинские, причём угрофинские заходят дальше на запад, чем балтийские, именно вплоть до Одера. Названия венетские встречаются прежде всего в бассейне Одера и Вислы, славянские же и весьма немногочисленные германские разбросаны в центральной части описанной территории от бассейна Одера по бассейн среднего течения Днепра включительно.

Эти факты показывают, что на территории, где, по всей вероятности, жили славяне, кроме них жили в разные времена различные индоевропейские и неиндоевропейские народы. Их размещение на этой территории может быть определено лишь приблизительно, а хронологию их пребывания и последовательности появления на основании одного лишь лингвистического материала установить невозможно.

Чтобы разрешить эти первоочередной важности для проблемы происхождения и прародины славян вопросы, приходится обратиться к содействию доисторической археологии, которая предоставляет возможность более точного географического разграничения и хронологизации интересующих нас явлений.

Археологические исследования в течение двух последних десятилетий до войны в Польше и Германии позволили на основании обнаруженных раскопками остатков доисторической материальной культуры и поселений установить факт существования на интересующих нас землях Центральной и Восточной Европы чередующихся культурных наслоений, отражающих очередные миграции и смены различных племён, которые можно отчасти связать с известными нам на этих территориях языковыми группами.

Так, в последний период неолита, т. е. приблизительно между 2300 и 2000 годами до н. э., мы наблюдаем продвижение с се-

веро-востока, от Урала, культуры, которая по характерному орнаменту на глиняных горшках, напоминающему отпечаток гребёнки, получила в науке название культуры гребёнчатой керамики. Эта кочевая, охотничье-рыболовная культура проникает далеко на запад, охватывая побережье Балтийского моря по р. Одер, а в южном направлении доходит до Силезии и Малопольши, простираясь на Мазовское и Подляшье и земли к северу от Припяти. Так как в Северо-Восточной России, Эстонии и Финляндии эта культура связана в процессе дальнейшего развития с раннеисторической культурой угрофинских племён, её обыкновенно приписывают предкам этих племён и чаще всего называют уральской, или, менее удачно, прафинской. Экспансией этой культуры, достигающей линии Одера, легко объясняется появление топографических названий, связанных с финской языковой группой, не только на северо-западе России, где наличие племён финской группы языка является несомненным историческим фактом, но и на литовских и польских землях по Силезию и Западную Померанию.

Немного спустя после периода экспансии уральской культуры, к концу неолита, т. е. около 200 г. до н. э., археологией установлен факт вторжения новой культуры, захватывающей интересующую нас территорию и на этот раз продвигающейся в противоположном направлении. Из мест, расположенных в Центральной Германии, в Тюрингии, хлынуло к востоку широкой волной население, стоящее на более высоком культурном уровне, чем «уральское», и несущее с собой культуру, названную по характерному орнаменту глиняной посуды культурой шнуровой керамики. Эти пришельцы, вначале ведшие кочевой, но вскоре принявшие оседло-земледельческий образ жизни, в сравнительно очень непродолжительный срок овладели громадным пространством — от Центральной Германии до излучины Волги — и, разветвляясь к югу от полесских болот, дошли в юго-восточном направлении до подошвы Кавказа. Поскольку всюду, где только встречаются следы этой культуры, в историческое время появляются народы, говорящие на индоевропейских языках, следует предположить, что носители шнуровой культуры являются представителями главной (хотя, быть может, и не самой древней) экспансии индоевропейских племён, а их преобладание на занятом ими пространстве над предшественниками можно считать равнозначным с языковой индоевропеизацией этой территории. Этому соответствует и индоевропейский характер названий рек от Эльбы до излучины Волги.

Племенная и языковая пестрота ассимилированного древнейшего населения этих территорий в достаточной степени объясняет возникновение отдельных индоевропейских диалектических групп, из которых возник современем ряд языков, как, например, французские, иранские, индийские. На пространстве между Одером и бассейном Оки, где волна индоевропейских пришельцев шнуровой культуры наложилась на субстрат кочевых уральских племён (культура гребёнчатой

той керамики), процесс языковой индоевропеизации привёл к возникновению этнической и языковой группы, непосредственным продолжением которой должно считать существующую по сей день группу так называемых балтийских народов (литовцы, латыши, древние пруссы и др.), так как ни исторические, ни археологические данные не указывают на то, чтобы на территории, заселённой этими народами, имела место другая индоевропейская иммиграция до их поздней, частичной славянизации в VIII—XIII столетиях. С другой стороны, установлено, что балтийские языки пережили вместе со славянскими общий период выделения из индоевропейского праязыка, поэтому этническую и лингвистическую группу, возникшую в результате индоевропеизации более древнего, «уральского» (прафинского), субстрата на пространстве между Одером и бассейном Оки, следует считать общей этнической и языковой основой как балтийских, так и славянских народов. Она соответствует установленному в науке понятию общего балтийско-славянского праязыка, который, по практическим соображениям, дабы не предешать его* двудольности, лучше называть протобалтийским. Трудно определить, как долго продолжался этот период после прекращения связи с другими индоевропейскими группами; кажется, однако, вероятным, что он не был особенно продолжителен — так как уже лет через триста — четырёхста доисторические данные позволяют констатировать культурные процессы, соответствующие этническим движениям, которые должны были расчлнить протобалтийскую группу на две ветви: западную, ставшую генетической основой праславян, и восточную, потомками которой являются балтийские народы.

Это распадение началось в первые века бронзового периода, т. е. между 1800 и 1500 гг. до н. э., в связи с вторжением новой волны индоевропейского населения, которая, хлынув из тех же приблизительно исходных пунктов, что и предыдущая волна шнуровой культуры, кристаллизовалась на территории Саксонии, Лужиц, Силезии и Юго-Западной Великопольши в отчётливое этнически-культурное целое, носящее в науке название лужицкой культуры (по местонахождению первых раскопок этого типа). Экспансия этой культуры охватила в сравнительно короткий срок (между 1500 и 1300 годами до н. э.) всё пространство, занимаемое бассейнами Одера и Вислы, перешагнула через Западный Буг и в то же время перевалила через Судеты и Карпаты, захватывая Северную Чехию, Моравию и Словакию по Дунай. На всей этой территории новые пришельцы подчинили себе и ассимилировали сидевшие уже там культурно-этнические группы, которые, распространяясь к западу и югу, стали современной основой известных в древности кельтских и иллирийских племён. Одновременно в бассейнах Одера и Вислы, где население лужицкой культуры наложилось на протобалтийский субстрат, это наслоение привело к выделению западной части этой территории из состава протобалтийской группы,

что было первым шагом к образованию самостоятельной праславянской группы.

Население лужицкой культуры, которое, с одной стороны, стало на протобалтийском субстрате основным фактором обособления предков праславян от предков прабалтов, а с другой — при соприкосновении с другими этническими субстратами положило начало образованию кельтской и иллирийской языковых групп, оставило после себя прочные следы в виде большого количества географических названий, в особенности названий рек, которые повторяются на землях, заселённых этими тремя группами, как, например, Одера, Сава, Драва, Мрога и т. д., о чём мы уже упоминали. Кроме географических названий, в пределах этих трёх групп повторялось в древности этническое название венетов: ср. на кельтской территории название французской провинции Vendée, на иллирийской территории, на северном побережье Адриатического моря, этническое название Veneti и от него происходящее название провинции и города Venezia; на территории, заселённой славянами, это название появляется у древних писателей I и II столетий н. э. в применении к племени, жившему над Балтийским морем (лат. Veneti). Этот факт приводит к выводу, что, по всей вероятности, это было этническое название народа, который создал и распространил по Центральной Европе лужицкую культуру. В связи с этим правильнее будет назвать эту культуру венетской, географические же названия, общие кельтской, иллирийской и славянской территориям, — венетскими. Но ни в коем случае нельзя этих венетов и их культуру, т. е. «лужицкую» культуру, отождествлять с праславянами, хотя, вне всякого сомнения, венетская закладка и стала весьма важным фактором при образовании праславянского народа и праславянской культуры.

Само венетское (лужицкое) население и связанное с ним распадение протобалтийской группы не были равнозначны с окончательным формированием праславянской этническо-языковой общности. Её кристаллизация была, собственно, результатом продолжительных миграционных процессов и внутренних перемещений в пределах уже обособленной западной группы прежних протобалтов. Сюда относится экспансия культуры яшиковских могил с лицевыми урнами и культуры колоколообразных могил, на которых нет возможности подробно останавливаться. Достаточно подчеркнуть, что поскольку все эти процессы строго локализованы в пределах бассейнов Одера и Вислы, т. е. отрезанной венетским вторжением западной части протобалтийской группы, то они должны быть рассматриваемы как проявление внутренних перегруппировок внутри одного и того же культурно-этнического целого.

Сказанное относится и к окончательному результату этих процессов, т. е. к возникновению в так называемый латэнский век железного периода, около III столетия до н. э., крупной культурно-этнической группы, которой в доисторической археологии присвоено название культуры погребальных урн

(в польской археологии — ямных погребений). Она, с одной стороны, генетически связана с венетской (лужицкой), а с другой — обнаруживает несомненное родство с материальной культурой раннеисторических славянских племён, заселявших территорию от среднего течения Одера по Вольню, Подолию и Червонную Русь. Эта культура, распадающаяся на две родственные группы — пшеворскую и оксывскую (по местонахождению главных раскопок соответствующих типов в деревне Гать под Пшеворском и в Оксьве), — вероятнее всего представляет в течение римского периода, т. е. приблизительно до 400 г. н. э., праславян в собственном смысле слова. Хронологически связаны с ней и древнейшие, несомненно относящиеся к славянам, упоминания древних писателей I и II веков н. э. (Плиний, Тацит, Птолемей) о живущем у устья Вислы племени венетов. Это название соседние германские племена перенесли на славян с их предков, древних венетов, создателей лужицкой культуры. Поэтому распространение обеих подгрупп пшеворской и оксывской, культуры ямных погребений в принципе может быть признано совпадающим с территорией прародины славян в период, предшествовавший распадению их этническо-языковой общности на несколько группировок, из которых в конечном счёте возникли известные в истории западно-, восточно- и южнославянские народы.

Эти выводы, построенные на согласованных между собой результатах лингвистических и археологических исследований, ни в чём не противоречат данным, доставляемым антропологией. Исследования последних лет над расовым составом славянских народов в прошлом и настоящем показали, что в течение столетий славянский расовый тип подвергся существенным изменениям. В настоящее время среди славян замечается решительное преобладание тёмноволосого брахикефального типа, вообще господствующего в Центральной Европе, но в прошлом картина была другая: в середине века у всех славян преобладал тип блондина с узким, продолговатым черепом (нордический), который в нынешнее время преобладает, кроме Северной Германии и Скандинавии, лишь в Северо-Западной Польше и образует обособленные острова в России и Прибалтике. Отсюда напрашивается вывод, что в праславянскую эпоху преобладание нордического типа было гораздо значительнее, и, следовательно, прародина славян должна находиться в географической связи с северно-европейской областью нордического типа, т. е. в пределах экспансии культуры шнуровой керамики, которая всюду связана с распространением нордического типа, по всей вероятности, свойственного первобытным индоевропейским племенам.

На фоне этих фактов нынешняя зона преобладания нордического типа выступает как остаток прежнего праславянского центра, от которого в разных направлениях расходилась волна праславянской экспансии, впитывая в себя по мере отдаления от исходного пункта всё больше и больше элементов иных физических типов. Впрочем, и в

самой славянской прародине нордический тип хотя и преобладал, но всё-таки не был единственным составным элементом населения: без сомнения, с древнейших времён выдающуюся роль играл тут и лапоноидальный тип тёмноволосого и тёмноглазого брахикефала низкого роста, который наблюдается всюду, где только живут славяне, причём его преобладание над нордическим типом возрастает прямо пропорционально отдалению от первоначального центра. Смесь нордического типа с лапоноидальным является характерной расовой чертой славян в отличие от германцев, у которых рядом с нордическим элементом выступает главным

образом примесь средиземноморского типа (тёмноволосого долихокефала невысокого роста с правильными чертами лица). Нордическо-лапоноидальная смесь в расовом составе славян вполне соответствует выводам о генезисе праславян, сделанном на основании данных топонимики и доисторической археологии; лапоноидальный элемент является продуктом уральского этнического субстрата, а нордический — индоевропейского субстрата, культуры шнуровой керамики и, по всей вероятности, «лужицкой» культуры, которая, однако, не поддаётся учёту со стороны антропологии, так как её носители сжигали покойников.